

DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-8-56-71

Оригинальная исследовательская статья
Original research paper

Наука у Вебера в контексте современного мышления

Л.А. Маркова

Института философии РАН, Москва, Россия

Аннотация

Макс Вебер анализирует классическую науку (XVII – начало XX веков), не касаясь революции в физике начала прошлого столетия. Вебер не анализирует тот факт, что прошлое знание при этом не опровергается, не разрушается, оно становится маргинальным и вступает в общение со своим конкурентом. Однако именно такой тип связи с философией науки Вебера помогает нам понять ее особенности. Новое знание по Веберу выводится из предыдущего, опровергая его истинность. На этом основании Вебер пишет, что наука отличается от искусства, где произведения сохраняют свою значимость независимо от времени, когда они были созданы. Классическая наука, современником которой он был, как любая другая в истории, будет признана несовершенной и ее место в мышлении, именно как науки, будет менее значимым. Меняется роль науки, но ее характеристики остаются прежними. Однако значимость ее, именно как науки, снижается. Можно согласиться с Вебером, что классическая наука продолжает активно функционировать, она необходима. Удовлетворяя вновь возникающие запросы общества, классика может обнаруживать прежде скрытые свои возможности и в то же время побуждать новое научное мышление укреплять свои позиции. Понятие революции постепенно исчезает из работ, исследующих науку, вместо него популярными становятся такие социологические понятия как технопарк, инновационный центр, сочетающие в себе одновременно перемены и в логике знания, и в техническом оснащении социума. Логические и социальные характеристики науки совмещаются, граница между ними становится менее заметной. Если в эпоху классики окружающий человека искусственный мир выстраивался на базе законов природы, то теперь он создается на базе законов мышления. Для Вебера этот мир был безмолвным и мертвым, именно об этом свидетельствовала классическая наука. Думать иначе Веберу было трудно и в силу рамок его жизни.

Теперь окружающий мир наделен искусственным интеллектом, и с ним надо уметь общаться. Чтобы понять Вебера, необходимо установить контакт с классической наукой в его понимании, а не пытаться разрушить ее и объявить ненужной.

Ключевые слова: наука, социум, религия, логика, общение, диалог, классика, не-классика, Новое время, разрушение.

Маркова Людмила Артемьевна – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора социальной эпистемологии Института философии РАН.

markova.lyudmila2013@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3396-9235>

Для цитирования: *Маркова Л.А. Наука у Вебера в контексте современного мышления // Философские науки. 2020. Т. 63. № 8. С. 56–71. DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-8-56-71*

Max Weber on Science, in the Context of our Days Thinking

L.A. Markova

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract

Max Weber analyzes the science of the Modern Period. The revolution in physics at the beginning of the 20th century, the creation of quantum mechanics bring to the fore another type of scientific thinking. It is important to note that past knowledge in this case is not refuted, not destroyed, it becomes marginal and enters into communication with its competitor. It is this type of communication with Weber's philosophy of scientific thinking that helps us to understand its specificity. According to Weber, new knowledge is derived from the previous one, refuting its truth. On this basis, Weber writes that science is different from the art, where the created works retain their significance regardless of the time when they were created. For modern science the predecessor is necessary as *another*, without which not any communication is possible. Classical science, about which Weber writes, is necessary and continues to function. Satisfying the re-emerging needs of society, it can detect previously hidden possibilities and, at the same time, encourage new scientific thinking to strengthen its position. The concept of revolution disappears gradually from the works on science. Instead, sociological concepts such as an innovation center or a technopark that combine simultaneously changes in the logic of knowledge and in the technical equipment of society are becoming popular. Logical and social

characteristics of science are combined, the boundary between them becomes less noticeable. If in the era of classics the artificial world surrounding man was built on the basis of the laws of nature, now it is being created on the basis of the laws of thinking. For Weber, this world was silent and dead, this is what classical science testified to. Now the world around us is endowed with artificial intelligence, and we must be able to communicate with it. To understand Weber, it is necessary to establish contact with the world of classics, and not to try to destroy it and to declare it worthless.

Keywords: science, social, religion, logic, communication, dialog, classical, no-classical, New time, destruction.

Lyudmila A. Markova – D.Sc. in Philosophy, Leading Research Fellow, Department of Social Epistemology, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

markova.lyudmila2013@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3396-9235>

For citation: Markova L.A. (2020) Max Weber on Science, in the Context of our Days Thinking. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filozofskie nauki*. Vol. 63, no. 8, pp. 56–71.

DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-8-56-71

Введение

Что заставляет ученых заниматься наукой? Что привлекает их в научной деятельности? Ответ не будет одинаковым во времена Макса Вебера и в конце XX – начале XXI века. Вебер дает вполне адекватную, точную характеристику классической науке, науке Нового времени. Нельзя с ним согласиться в одном: он распространяет ее особенности в историческое прошлое, отыскивает отдельные черты классики в мышлении древних индусов или древних греков, придавая им, этим чертам, слишком большое значение для тех эпох. Да и науку будущего он представляет такой же, в ее логических характеристиках, как и современная ему. Однако к этому Вебера принуждает его собственное определение, понимание науки Нового времени.

Основные идеи о строении общества, о сущности социальных связей Макс Вебер развивает без ссылок на науку как серьезную составляющую этих отношений. Это можно объяснить тем, что для него работа ученого и социальная деятельность людей по организации их коммуникаций друг с другом в повседневной жизни очень далеки друг от друга. Основа экономического и социального развития общества в целом, по мнению Вебера, определяется, прежде всего, протестантской религией. Те страны, которые в большей

степени были привержены Реформации, гораздо успешнее развивали капиталистическое производство. Религия поддерживала хозяйственную деятельность и наделяла ее нравственным и духовным значением. Прежде всего, она характеризовалась индивидуальным подходом при решении хозяйственных задач.

Общественные науки ближе Веберу, видимо поэтому он уделяет много внимания политике [Вебер 1990а]. Вебер считает главными две особенности науки. Это, во-первых, для него является фактом, что все предпосылки, все личные склонности ученого лежат за пределами научного знания и процессов его развития. Во-вторых, само развитие знания совершается строго прогрессивно.

Вопрос, каким должен быть политик, является этическим вопросом, утверждает Вебер. Страсть, чувство ответственности, глазомер – решающие качества для политика. Тщеславие есть свойство весьма распространенное, от которого не свободен, пожалуй, никто. Это нечто вроде профессионального заболевания в академических кругах. Но тщеславие обычно не является помехой научной деятельности. Иное дело – политика. Стремление к власти есть одно из его необходимых средств, поэтому «инстинкт власти» обычно называют нормальным качеством политика. Грех против его призвания начинается там, где стремление к власти становится предметом сугубо личного самоопьянения вместо того, чтобы служить исключительно делу.

Занятия политикой обладают легитимностью, если опираются на три основания, считает Вебер. Это, во-первых, авторитет нравов, *привычка* ориентироваться на их соблюдение. Второе – авторитет *личного дара*, харизма, полная личная преданность. В третьих – сила легальности, *вера* в рационально созданные правила, ориентация на подчинение установленным правилам. Бросается в глаза использование Вебером таких не свойственных научной рациональности понятий, как привычка, личный дар, харизма, личная преданность, вера в правила, надежда и им подобные. В значительной степени на этом обстоятельстве он основывает тип рациональности, которая, в определенном смысле, не является абсолютной. То есть присущие ей свойства меняют свое значение в зависимости от их использования в тех или иных условиях.

В качестве примера Вебер пишет о заповедях Нагорной проповеди, другими словами, об абсолютной этике Евангелия. Богатый юноша опечален, у него было большое имение. Но Евангельская заповедь безусловна и однозначна: отдай все, что ты имеешь, совершенно все. Политик скажет, что это требование социально бессмысленно, пока оно касается всех. Но этическая заповедь

говорит именно об этом, такова ее сущность. Налогообложение, конфискация, одним словом, насилие и порядок – против всех. Или: подставь другую щеку! – безусловная заповедь не задается вопросом, каким же это образом другому приличествует бить. Этика только для святого. Следует быть святым во всем, хотя бы в идеале. Христианские заповеди абсолютны: убивать плохо, красть нельзя, обманывать тоже запрещено, но в отдельных случаях обстоятельства могут заставить человека пойти на несоблюдение этих норм, при этом *сами заповеди остаются неизблемыми*. Подход к поступкам человека индивидуальный. Бить плохо, но, защищая свою честь, можно ответить ударом на удар. Таким образом, в повседневной жизни, в политической деятельности нравственные нормы неизблемы, но использоваться они могут по-разному. Важно, однако, что при этом сами они, в своем содержании, *остаются неизменными*. В отношении естествознания Вебер более строг.

Вебер о естествознании

Деятельность ученых-естествоиспытателей не допускает никакого отступления от законов научной рациональности, пишет Вебер. Их нарушение всегда находится под запретом. Если вода при строго обозначенных условиях (температура, давление) кипит при 100 градусах, то она будет кипеть при этой температуре в любой лаборатории, в любое время, в любой стране. Именно такое поведение изучаемого предмета обеспечит получение объективного, истинного знания об окружающем мире.

Ученый должен быть увлечен наукой. Без страсти и убежденности в том, что должны были пройти тысячелетия, прежде чем появился ты, и другие тысячелетия молчаливо ждут, удастся ли тебе твоя догадка, без этого человек не имеет призвания к науке. Однако страсть является предварительным условием самого главного, считает Вебер, вдохновения. Он не согласен с распространившимся мнением, что наука стала чем-то вроде арифметической задачи, решаемой в лаборатории вроде как на фабрике, что она создается одним только холодным рассудком, а не всей душой. Кто так рассуждает, тот не учитывает, что ученому нужна идея, причем идея верная. Но ничего не приходит в голову по желанию. Одним холодным расчетом ничего не достигнешь. Расчет – это только предварительное условие. У дилетанта может возникнуть внезапная догадка, но она не заменит упорного труда. Вдохновение играет в науке не меньшую роль, чем в искусстве. Но судьба научной работы очень отличается от судьбы результата художественного творчества. Научная работа вплетена в движение

прогресса. В то же время совершенное произведение искусства никогда не будет превзойдено и никогда не устареет. В искусстве прогресса нет. Однако каждый ученый знает, что полученный им результат устареет через 10, 20, 50 лет. Таков смысл научной работы. Почему же мы занимаемся наукой? Прежде всего, полагает Вебер, ради чисто практических, технических целей.

Научный прогресс является важнейшей частью процесса интеллектуализации, который происходит на протяжении тысячелетий. История науки прогрессивна. Но имеет ли этот прогресс выход за пределы чисто практической и технической сферы, задается вопросом Вебер. Для ответа Вебер обращается к произведениям Льва Толстого, который решает его через проблему смерти. Для культурного человека смерти нет, потому что жизнь отдельного человека, включенная в прогресс, по своему внутреннему смыслу не имеет конца, она уходит в бесконечность. Далее Вебер обращается к Платону, во времена которого был открыт смысл понятия. Из постижения понятия вытекало следствие: достаточно найти правильное понятие прекрасного, теплого, храброго и так далее, как будет постигнуто их истинное бытие. А это открывало путь к тому, чтобы учиться, как надлежит вести себя в реальной жизни. В эпоху Возрождения возник второй инструмент научного познания, эксперимент, который контролирует познание, считает Вебер, и без которого была бы невозможна эмпирическая наука.

Но что же значит наука для человека, что делает ее привлекательной для ученого в наши дни, что она дает позитивного для практической и личной жизни? Задавая этот вопрос, пишет Вебер, мы стоим перед проблемой «призвания» в науке. Во-первых, наука прежде всего разрабатывает, конечно, технику овладения жизнью – как внешними вещами, так и поступками людей – путем расчета. Во-вторых, наука разрабатывает методы мышления, рабочие инструменты и вырабатывает навыки обращения с ними. Но на этом дело науки, к счастью, полагает Вебер, еще не кончается [Вебер 1990б].

Жизнь, основанная на самой себе, знает только несовместимость наиболее принципиальных жизненных позиций, между которыми надо делать выбор. Вместе с тем, как пишет Вебер, «сегодня наука есть профессия, осуществляемая как специальная дисциплина и служащая делу самосознания и познания фактических связей, а вовсе... не составная часть размышления мудрецов и философов о смысле мира» [Вебер 1990б, 6].

Наука в XX веке, уверен Вебер, позволяет человеку ориентироваться в жизни и судить о ней, принимать правильные реше-

ния в жизненных ситуациях, когда необходимо сделать нужный выбор. Но это возможно, только если вы опираетесь на расчет и технические параметры развития общества. Такого типа интеллектуализация мышления на базе науки требует устранения из получаемого результата всего, связанного с человеком. Вдохновение, увлеченность, страсть, которые привели ученого в науку, остаются за пределами получаемого результата. Соответственно, и окружающий мир воспринимается отчужденным от человека, существующим самостоятельно, он безмолвный и безответный. Человек может чувствовать себя его властелином, извлекать пользу из его эксплуатации, не задумываясь о наличии пределов такого отношения к природе. Ученого привлекает перспектива стать субъектом такого рода деятельности, господином окружающего мира.

Произошедшие в научном мышлении перемены, прежде всего в результате научной революции начала XX века, оказали огромное влияние и на философское, и на социологическое истолкование науки. Существенно трансформировалось ее место в обществе, связь научного исследования с другими видами деятельности. Социология Вебера, как и в целом классическое мышление периода Нового времени (XVII – начало XX века), формировалась по образцу научного. Фундаментальные трансформации, которые претерпела наука, неизбежно отразились и на философском мышлении, и на повседневном. Не мог не претерпеть серьезных трансформаций и тот подход, классический, к анализу науки, одним из ярких представителей которого был Вебер. Классика вычленяет определенные свойства мысли и делает их базой мышления в целом. Эти свойства берутся из реальности, человек их способен воспринять тем или иным из своих органов чувств. Для классики очень важно, что предметы могут объединяться, обладая каким-то общим для них свойством. Дэвид Юм использовал такой пример. Англичане очень отличаются от французов, но у них есть общее качество – они люди. В науке причастность изучаемого предмета именно к тому понятию, которое обозначает определенный круг вещей, обосновывается в ходе эксперимента, не всегда реального, эксперимент может быть и мысленным.

Суть классического эксперимента в том, что отбрасываются, игнорируются все свойства предмета, которые выделяют его из совокупности родственных ему. Оставшееся свойство или свойства взяты из реальности и из них формируется идеальная модель действительности. Эта модель демонстрирует *простое* на определенном уровне устройство мира, подчиняющегося фундамен-

тальным законам. Человеку в этом мире места нет. И. Пригожин и И. Стенгерс пишут, что классическая наука открыла человеку безмолвный мир. «Она открыла людям мертвую, пассивную природу, поведение которой с полным основанием можно сравнить с поведением автомата» [Пригожин, Стенгерс 1986, 45]. Революция в физике одновременно совершила переворот в философском мышлении, а великие физики первой половины прошлого века, авторы научной революции, продумывали и философские проблемы. М. Борн писал, что о науке Нового времени, начиная с Г. Галилея и И. Ньютона, он будет говорить, опираясь «исключительно на одну сторону вопроса – на разделение субъекта и объекта при описании природы» [Борн 1963, 228]. И он же: «Классическая физика принимала как само собой разумеющееся, что имеется такой объективный мир, который не только существует независимо от наблюдателя, но может быть изучен этим наблюдателем без нарушения его в процессе наблюдения. ...Но современная физика показала, что как раз это неправильно. А с этим связана философская проблема, трудность которой состоит в том, что нужно говорить о состоянии объективного мира, при условии, что это состояние зависит от того, что делает наблюдатель. Это ведет к критическому исследованию того, что мы понимаем под выражением “объективный мир”» [Борн 1963, 81].

Вебер, вполне в духе классики, освобождает мир от всего человеческого. Соответственно, и получаемое о нем знание тоже, если оно истинное, должно быть лишено, во всяком случае в идеале, от чего бы то ни было хоть как-то связанного с ученым и его деятельностью. Этот тезис в Новое время в значительной степени определял не только теоретическое, но и эмпирическое восприятие мира. Не случайно в середине прошлого столетия столь популярным стало выражение теоретическая нагруженность эксперимента. Другими словами, эксперимент предназначен для подтверждения или опровержения того или иного теоретического положения, которое определяет постановку и ход эксперимента. Даже простое эмпирическое наблюдение имеет некоторую предварительную установку, и эмпирия не может быть одинаковой для всех. Между тем, в классике познаваемый предмет должен оставаться одним и тем же, независимо от того, познается он или нет, а если познается, то не имеет значения, кем и когда. В результате мы имеем один-единственный мир и единого субъекта, познающего этот мир и бесконечно совершенствующий свое знание о нем. Только в этом случае получаемое знание будет объективным и истинным, будет обладать этими краеугольными

свойствами классического мышления. И Вебер со своих позиций достаточно точно, вполне в духе классики вписывается в рациональность этого типа.

Поворот в научном мышлении середины XX – начала XXI века

В середине XX века совершился поворот научного мышления, состоявший в том, что не предмет, а ученый целым рядом своих характеристик определяет и логику, и содержание получаемого знания. Идеи Вебера никак не вписываются в формирующееся неклассическое мышление. Иначе стал видаться весь окружающий нас мир. Он уже не мертвый и безмолвный, и мы не столько *познаем* его как некоторую объективную данность, а стремимся *понять* его, установить контакт с автором познаваемого в данный момент предмета [Маркова 2016]. Вместо отношения человек – предмет, мы имеем отношение человек – человек. Гейзенберг писал, что по существу мы познаем самих себя. В этом направлении трансформировалось мышление многих философов прошлого века. Витгенштейн в начале века не допускал выхода логики в эмпирическую действительность. Он писал, что если вы не можете выразить мысль логически, то лучше вообще ничего не говорите. В философии науки может быть только одна логика и один субъект. Однако в конце своей профессиональной деятельности он придерживался уже других взглядов, он дополнил и релятивизировал свою классическую модель неисчерпаемой прагматикой языковых игр. В философии У. Куайна тоже осуществляется выход в нелогическую сферу, в контекст, в деятельность субъекта. Куайн делает этот шаг, поставив под вопрос разделение предложений на аналитические и синтетические, а также показав, что точность перевода представляет собой большую проблему. Р. Рорти предлагает заменить отношение человек – природа на отношение человек – человек. Вместо исследования – разговор как окончательный контекст.

Такое погружение мысли в контекст, в условия ее возникновения, породило много, на первый взгляд неразрешимых, трудностей логического характера. И анализ Вебером классического мышления предлагает выход из них. Главная из этих сложностей – проблемность понятий *объективности* и *истинности* научного знания. Если знание зависит от процесса получения результата, от особенностей ученого-автора этого процесса, то в разных ситуациях проведения исследования одного и того же предмета результаты будут получены тоже разные. Если физики правы,

и самый акт наблюдения влияет на характеристики и поведение изучаемого предмета, то невозможно познать действительность «как она есть сама по себе». Эта действительность будет присутствовать в научном знании нагруженной социальностью своего происхождения из условий деятельности ученого. Пусть не все, но какие-то свойства контекста будут влиять на получаемое знание. И эти свойства каждый раз другие. Контекст формируется из той среды, в которой работает ученый, где он проводит свой эксперимент. Эта среда не может повторяться с абсолютной точностью, и каждый раз эксперимент воспроизводит это неизбежное различие. Как же быть с прогрессивным развитием науки у Вебера? В классике, в *макрофизике*, этот факт игнорируется, так как для формирования классической логики значение имеют только значимые, каждый раз повторяющиеся свойства контекста, «управляющие» процессом получения результата. Если новое знание не выводится логическими средствами из предыдущего, а возникает из контекста [Касавин 2008; Fuller 2002], большинство элементов которого вообще не принадлежит науке, то как этот новый результат вписывается в структуру науки, становится ее частью [Мамардашвили 1996]? У Вебера такой трудности не возникает, так как в прогрессивной истории научного знания все, не принадлежащее логике знания, с самого начала из этой истории исключается. Новое знание рождается из предыдущего логическими средствами, и не возникает даже проблемы о его включении в общий ряд развития. У Т. Куна такая проблема появляется как несоизмеримость нового знания, логики новой парадигмы с логикой парадигмы старой. Важно, однако, что при этом не только прежняя парадигма, но и только что возникшая рассматриваются им как уже существующие в своей логической целостности. Каким образом сформировалось новое знание в голове ученого, если этот процесс не происходит как выведение новой парадигмы из ей предшествовавшей, Куном не рассматривается. Этот шаг в развитии науки Кун видит как определенную трудность, но не как проблему, требующую своего решения. Он пишет: «... новая парадигма возникает всегда сразу, иногда среди ночи, в голове человека, глубоко втянутого в водоворот кризиса. Какова природа этой конечной стадии, как индивидуум открывает (или приходит к выводу, что он открыл) новый способ упорядочения данных, которые теперь оказываются объединенными, – этот вопрос приходится оставить здесь не рассмотренным и, может быть, навсегда» [Кун 1977, 160].

Как видим, Кун достаточно пессимистически смотрел на возможность уловить логику рождения нового знания. Вернее сказать, он допускал, что такой логики вообще не существует. Однако тут он был неправ. Для решения возникшей проблемы не годилась классическая логика, но уже возникала логика другая, с которой можно было установить контакт, как с источником нового типа рассуждений. Библер говорил по этому поводу, что если не удастся понять эмпирию, надо превратить ее в другую логику и вступить с ней в диалог. Для этого необходимо предельное самообращение нашего разума, его способность изменять основания, начала собственного бытия. Разум по-новому актуализирует бесконечно-возможное бытие мира. Библер пишет: «Это и есть замедленная, заторможенная в до-действии точка (средоточие) философской логики, собственно философского мышления. Это – пафос предельного погружения в изначальность мышления, это – способность авторства “мира впервые”» [Библер 1991, 376].

Логика, чтобы логически обосновать свое начало, полагает Библер, должна стать *диалогикой*, стать спором двух и более сфокусированных в одной точке логик. Начало логики формируется не в результате влияния социальных структур извне, само начало приобретает черты социальности, встраивая в себя социальные характеристики контекста. В начале мысли нет еще разделения на материальное и идеальное. Здесь осуществляется выход за пределы логического, в эмпирию (что запрещалось ранним Виттгенштейном), которая не может быть осмыслена существующей логикой. Формируется новая логика, с новым началом. В результате, новая логика не может встроиться в структуру науки прежним способом, то есть не может быть выведена логически из предыдущего знания. Другими словами, появление нового знания совсем не обязательно, как полагал Вебер, должно пониматься как продолжение прогрессивного развития. У науки может быть и другой способ собственного построения. Проблема состоит в отношении этого нового начала с началом другого типа, началом его предшественницы. Однако не только предшественницы, но и основаниями других сосуществующих друг с другом парадигм (воспользуемся терминологией Куна). Новое знание встраивается в науку не своими результатами, а своими корнями. Временной ряд можно проследить, но он уже не играет решающей роли. Пространство играет большую роль, чем время. Эту мысль развивал и Ж. Делез.

Такой взгляд на рождение нового знания предлагает другую, чем в классике, картину науки. Это теперь не следование во време-

ни научных открытий, когда каждое новое достижение выводится из предыдущего и превосходит его по точности, адекватности воспроизводства действительности. При этом прогрессивность – неотъемлемое свойство развития знания. В не-классике подход к изучению научного знания иной. Каждое новое открытие рождается не из предыдущего знания, а из своих собственных корней, которые включают в себя и проблемность своей предшественницы, и эмпирию, которую не удастся познать прежними средствами. Нарушается прежний вариант связи прошлого и настоящего, их взаимодействие «погружается» в основания, а не является следованием результатов, одного за другим, со все большей точностью воспроизводящих в себе действительность. Но основания разные, отсюда возникает проблема несоизмеримости. По словам Библера, логика становится «спором логических начал», а не конкуренцией достигнутых результатов, как у Вебера. Этот спор начал в прошлом веке выражается прежде всего в форме диалога.

Диалог принципиально меняет представление о науке. Пожалуй, главное отличие можно сфокусировать в следующем факте. Новое знание не отрицает, не разрушает, не объявляет устаревшим и ложным знание предшествующее. Более того, оно ему необходимо. Ведь для диалога необходимы, как минимум, два собеседника. Таким собеседником в первую очередь и является предшественник нового результата. Как и диалог двух действующих персонажей в театральной постановке, в науке спор оппонентов выявляет те или иные черты каждого из них, при этом не только слабые, а даже чаще сильные, но до сих пор не проявившие себя. Классическая наука функционирует и в XXI веке, причем успешно выполняет сложные возникшие в обществе новые задачи. При этом проявляются такие ее свойства, которые до сих пор не были востребованы. И в этом смысле идеи Вебера о науке никак нельзя считать устаревшими. В связи с новыми веяниями из лексикона и философов, и социологов постепенно исчезает понятие революции, оно используется все реже и реже. Утверждение в науке на первых ролях нового типа знания не приводит к революционному разрушению прежнего.

Рождение нового знания, формирование его оснований – это творческий процесс, происходящий в голове ученого. Исследование науки перемещается с изучения результатов на изучение деятельности ученого, но не всякой, а именно творческой, которая всегда в классике выводилась за пределы доступного логическому пониманию. В изучении науки происходит поворот. Знание рассматривается не с точки зрения его обращенности к внешнему

миру, а с точки зрения его оснований в работе ученого. Чтобы понять науку, надо увидеть в научном знании следы человеческой деятельности. Эти следы не устраняются, наоборот, они выявляются как определяющие специфику полученного результата. Результаты все разные, каждый из них имеет своего автора. Новое понимание науки рождалось в дискуссиях философов и социологов [Касавин 2013; Fuller, Lipinska 2014; Goldman 2010; Goldman 1999; Fuller 2002]. Во внимание принимается не только последний полученный результат и его предшественник, но и сосуществующие с ними в настоящем, а также и в историческом прошлом достижения деятельности ученых. Ведь современное научное знание для его понимания соотносится, вступает в диалог и с античным, и средневековым типами мышления. И не только с научным, но и религиозным, и художественным, и бытовым. И все это разнообразие бытия служит «материалом» для построения соответствующего *контекста* того или иного творческого акта. Подобно тому, как персонаж на театральной сцене по-разному проявляет себя в разговоре-общении с другими действующими лицами, используя те или иные свои способности для убеждения собеседника в своей правоте, так и в научном диспуте классики с не-классикой первая может обнаружить не замеченные прежде даже ее сторонниками возможности своего функционирования. Исследователя науки интересует не только цепочка следующих друг за другом и обоснованных в таком порядке *полученных результатов* деятельности ученых, но и все пространство, заполненное «вспышками» *творческих актов* в головах ученых. Интерес представляет в первую очередь не полученный результат, а процесс его получения и сопутствующие ему события социального, личностного характера. Именно этот процесс как социальный оказывается в центре внимания, а линейное, прогрессивное развитие знания рассматривается как маргинальное, но ни в коем случае не отрицается его присутствие в современной науке как один из ее признаков [Маркова 2016].

Безусловно, Вебер с полным основанием вычленяет в развитии классической науки ее прогрессивный характер и в этом видит ее отличие от искусства. И трудно упрекать его в том, что он не мог успеть осмыслить результаты научной революции начала прошлого века. Но для нас представляет большой интерес та точность, с которой он вычленяет главные особенности классики. Это позволяет нам, в соответствии с нашим же пониманием современного диалогического характера мышления, уточнять, совершенствовать особенности науки наших дней. Без этого спорить

с Вебером особенно трудно. Тем более что он очень скрупулезно, точно выявляет социальные, психологические, нравственные особенности научного творчества, хотя и в качестве таких его сторон, которые должны быть удалены из логики научного мышления. Но ведь прежде, чем что-то устранять, это что-то надо еще уметь обнаружить.

Заключение

Понимание науки Вебером не отрицается как ложное, не разрушается научным мышлением XXI века, но становится маргинальным, как и вся классическая наука. Интерпретация Вебера продолжает существовать и функционировать в наши дни, но задачи, которые она решает, не обладают первостепенным значением для общества. Наука Вебера базируется на законах мира, понимаемого как объективно существующий независимо от человека. Наука наших дней опирается на законы человеческого мышления. Соответственно и современная техника базируется на искусственном интеллекте [Berry 2014; Маркова 2017].

Подъемный кран, паровоз, самолет, не снабженные электронной начинкой, работают на базе классической науки. Но самолет наших дней главным элементом своей конструкции имеет электронное управление. Разумеется, корпус самолета нельзя сделать, не зная законов классической физики. И использование этих законов может становиться более искусным, а их знание более совершенным. И все-таки искусственный интеллект – главная составляющая современного самолета, и функционирует этот интеллект на базе законов человеческого мышления в первую очередь, а не на законах материального мира [Маркова 2016]. Поэтому подходить к технике наших дней, считая ее воплощением исключительно математических законов, с циркулем и линейкой в руках, не имеет смысла. Но Вебер был прав, он имел дело с классикой, а классическое естествознание было математическим. Однако его собственная теория науки никогда, ни через 10, ни через 50 лет не будет признана преодоленной и отвергнутой, но не потому, что она занимает место в прогрессивном развитии научного знания, хотя это тоже имеет место. Она всегда будет присутствующей и необходимой в совокупности философских представлений о мышлении, и это присутствие будет не отдалять, как думал Вебер, а сближать ее с искусством. Веберу, однако, трудно было предвидеть такое направление развития науки в самом начале прошлого века, когда ученых начинает привлекать возможность соотнести, сравнить свои идеи и с современниками, и с предшественниками не с целью их преодолеть и опровергнуть, а чтобы вступить с ними в общение.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Библер 1991 – *Библер В.* От наукоучения – к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век. – М.: Издательство политической литературы, 1991.

Борн 1963 – *Борн М.* Физика в жизни моего поколения. – М.: Издательство иностранной литературы, 1963.

Вебер 1990а – *Вебер М.* Политика как призвание и профессия // *Вебер М.* Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990.

Вебер 1990б – *Вебер М.* Наука как призвание и профессия // *Вебер М.* Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990.

Касавин 2008 – *Касавин И.* Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию. – М.: Альфа-М, 2008.

Касавин 2013 – *Касавин И.* Социальная эпистемология. Фундаментальные и прикладные проблемы. – М.: Альфа-М, 2013.

Кун 1977 – *Кун Т.* Структура научных революций. – М.: Наука, 1977.

Мамардашвили 1996 – *Мамардашвили М.К.* Стрела познания. Набросок естественноисторической гносеологии. – М.: Языки русской культуры, 1996.

Маркова 2016 – *Маркова Л.А.* Поворот в исследованиях социального характера научного знания // *Вопросы философии.* 2016. № 4. С. 182–193.

Маркова 2017 – *Маркова Л.А.* Другая наука, в результате – новая научная политика // *Вопросы философии.* 2017. № 12. С. 91–102.

Пригожин, Стенгерс 1986 – *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. – М.: Прогресс, 1986.

Berry 2014 – *Berry D.M.* The Social Epistemologies of Software // *On Twenty-Five Years of Social Epistemology: A Way Forward* / ed. by J.H. Collier. – London: Routledge, 2014. P. 123–143.

Fuller 2002 – *Fuller S.* Social Epistemology / 2nd ed. – Bloomington: Indiana University Press, 2002.

Fuller, Lipinska 2014 – *Fuller S., Lipinska V.* The Proactionary Imperative: A Foundation for Transhumanism. – London: Palgrave Macmillan, 2014.

Goldman 1999 – *Goldman A.* Knowledge in a Social World. – Oxford: Oxford University Press, 1999.

Goldman 2010 – *Goldman A.* Why Social Epistemology is Real Epistemology // *Social Epistemology* / ed. by A. Haddock, A. Millar, and D. Pritchard. – Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 1–28.

REFERENCES

Berry D.V. (2014) The Social Epistemologies of Software. In: Collier J.H. (Ed.) *On Twenty-Five Years of Social Epistemology: A Way Forward* (pp. 123–143). London: Routledge.

Bibler V.S. (1991) *From the Wissenschaftslehre to the Logic of Culture. Two Philosophical Introductions in the Twenty First Century*. Moscow: Politizdat (in Russian).

Born M. (1963) *Physics in My Generation*. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoy literatury. (Russian translation).

Fuller S. (2002) *Social Epistemology* (2nd ed.). Bloomington: Indiana University Press.

Fuller S. & Lipinska V. (2014) *The Proactionary Imperative: A Foundation for Transhumanism*. London: Palgrave Macmillan.

Goldman A. (1999) *Knowledge in a Social World*. Oxford: Oxford University Press.

Goldman A. (2010) Why Social Epistemology is Real Epistemology. In: Haddock A., Millar A., & Pritchard D. (Eds.) *Social Epistemology* (pp. 1–28). Oxford: Oxford University Press.

Kasavin I.T. (2008) *Text. Discourse. Context. Introduction to Social Epistemology of Language*. Moscow: Alfa-M (in Russian).

Kasavin I.T. (2013) *Social Epistemology. Basic and Applied Problems*. Moscow: Alfa-M (in Russian).

Kuhn T. (1977) *Structure of Scientific Revolutions*. Moscow: Nauka (Russian translation).

Mamardashvili M. (1996) *Arrow of Cognition: Sketches of Natural-Historical Epistemology*. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury (in Russian).

Markova L. (2016) Turn in Research Social Nature of Scientific Knowledge. *Voprosy filosofii*. No. 4, pp. 182–193 (in Russian).

Markova L. (2017) Other Science, in Result – a New Science Policy. *Voprosy filosofii*. No. 12, pp. 102–114 (in Russian).

Prigogine I. & Stengers I. (1986) *Order Out of Chaos: Man's New Dialogue with Nature*. Moscow: Progress (Russian translation).

Weber M. (1990a) Politics as a Vocation and Profession. In: Weber M. *Selected Works*. Moscow: Progress (in Russian).

Weber M. (1990b) Science as a Vocation and Profession. In: Weber M. *Selected Works*. Moscow: Progress (in Russian).